

ОГЛАВЛЕНИЕ

Весна

9

Лето

81

Осень

204

Зима

424

Посвящается Шоте и Гоше

*Роман закончен в августе 2021 года.
В марте 2022 года он был выложен в первой редакции
в открытый доступ.*

ВЕСНА

«Весна ясная прекрасная с яркими цветами
с белыми облаками»

3.67

— Держи пилу.

— Что?

— Пилу, говорю, свою держи!

— Что?

— Ничего, врубаю!

— Я думал, это сказки! Это всё на самом деле?

— Держи пилу, скорее! И наушники надень, иначе вконец оглохнешь. Иммигрант сонгс тебе в уши, погнали!

Жуткий звук. Даже сквозь жуткую песню, которую мне поставил Баобаб.

Снаружи и так, что летит куда-то в желудок: ГРРЗЖСК. В ушах: АААААААА. Снаружи и где-то внутри: ГРРЗЖСК. В ушах: АААААААА. Снаружи и где-то внутри: ГРРЗЖСК. В ушах: АААААААА. И так бесконечное количество лет.

Вижу: Баобаб в красном комбинезоне с надписью «Ziggy Stardust» с адской гримасой пилит левый край

крашенного в триколор шлагбаума. Его крик я не слышу, свой пока сдерживаю, хотя уже нет. Снаружи и внутри: ГРРЗЖСК. В ушах: АААААААА. Из моего рта: АААААААААААААА.

Вижу: из окон высовываются люди. Вижу: моя пила вбивается в металл, еще немного — и все обвалится. Чувствую: мерзкий запах. ГРРЗЖСК, АААААААА, ГРРЗЖСК, АААААААА. Все продолжается секунд пять, миллион лет. Грохот: обе части шлагбаума падают на землю.

Нет, все началось не здесь.

3.1

Бояться не нужно ничего. Город оккупировали жуки. Они появились внезапно, сразу после серного зловония. Но появились уверенно — так уверенно, что казалось: всегда они жили здесь, еще с зырянами. Размером с ноготь твоего безымянного пальца, с вытянутым панцирем в оранжевую дробь и с черными крыльями: эта архитектура делала их крестиком на двери Али-Бабы или крестовым шрамом на правой ладони моего отца.

Строительные леса и верхушки деревьев, лежащие в лужах, листья едва зазеленевших кустов, детские площадки, подъезды, клетки лестниц, квартиры на первых-вторых-третьих этажах, вернувшиеся троллейбусы, скамейки бывших бульваров — все было оккупировано ими, по щиколотку. Жуки, перебирая лапами и шурша крыльями, захватили город и перемещались по нему то хаотичной ордой, то стройным крестовым походом. Возвращаясь домой, вытряхнешь их из складок пальто, снимешь с головы, но новые крестоносцы сядут на твои плечи.

Я открываю глаза. Апрельский луч летит по комнате. Я перескакиваю через него, но на мгновение застреваю в узкой полосе — в ней остается моя тень. Без нее я выхожу на кухню.

Отряхнуться: так теперь начинался день. А я к тому же весь был не только в черных жучках, но и в белой шерсти. Белый линяющий заяц остался в комнате. Я отнес ему воды, студеной. Вернулся на грохочущую кухню. Радиоточка работала в полную силу. По радио сказали: «Бояться не нужно. Ничего не изменится. Была чрезвычайно хороша для зимовки насекомых зима: не были сильны морозы, было много снега, все, что могло перезимовать, перезимовало. Ничего экстраординарного не идет».

День, когда все в моей жизни начало меняться.

3.2

Я залил в уши порцию капель, вставил в левое ухо аппаратик, соединил с иглой. Проглотил кусок пирога с травянистой начинкой, запив его супом из чашки с отбитыми краешками. Вышел на лестницу. В прорезях шлема почтового ящика что-то белело, уходя в голубой цвет. Я тогда подумал: почтовый голубь. Просунул свои длинные пальцы, пальцы пианиста, не знающего ни одной гаммы, в щель ящика, поцарапался чуть, но вытащил листок бумаги размером с твою ладонь. На листке зелеными чернилами было выведено:

«Не медлите, молю! “Цветущий жасмин”. Слушайте. Прямо сейчас, пора! Без промедления.

Р. S. Откройте коробку, подключите к ней наушники».

Я покрутил листок. Больше на нем не было ничего — только зеленая каллиграфия. К листку скотчем

крепилась маленькая коробочка, завернутая в крафт. Конечно, конечно, я был удивлен. Не получаю я писем. Тем более таких. Я тогда подумал: это ошибка. Но тон письма, его вес, цвет, внутренний звук заставили меня развернуть сверток.

Я увидел очень-очень маленький, плоский музыкальный проигрыватель. Как раз такой, чтобы его можно было засунуть в почтовый ящик. Я повертел коробочку — это был самодельный музыкальный модуль, видимо, запрограммированный на одну композицию. Сбоку был разъем для наушников. Я вытащил из уха аппаратик, вставил наушники, подвел иглу к пластинке и нажал на кнопку. «Цветущий жасмин». Вибрафон, скрипка, струнные.

Стараясь попасть в темп, в ритм, а потому двигаясь крадущимся, никем никогда невиданным зверем из Красной книги, я спустился по лестнице. И вышел в город, шахматный конь — на шахматную доску: человек с нетипичной фигурой — на улицу, сумрачную от черных жуков, светлую от тополиного пуха. Сегодня вторник.

На место разрушенного воронцовского особняка вчера поставили огромный экран. Здесь показывают то же, что на экранах в соседних переулках. Я вижу кадры — молодые люди в военной форме копают землю (бегущая строка: «Девушки и юноши от шестнадцати до двадцати трех лет успешно изолируются в монастырских и армейских частях и увлеченно проходят уроки патриотического воспитания в рамках волонтерской программы по раскапыванию родной земли»), священник летит на вертолете с открытой дверцей, окропляя водой горящий лес («Патриархия принима-

ет посильное участие в национальном тушении горящего ветхого массива»), мужчина в пиджаке поверх рубашки, вышитой славянским орнаментом, передает каравай хлеба китайской делегации («Удачная сделка по успешной передаче выработанных уральских земель восточным партнерам завершена эффективно»).

Экран укреплен на металлических штырях, воткнутых в землю бывшей усадьбы. Молниеносно исчез любой намек на то, что здесь стоял квартал пушкинского времени. Его будто проглотили жуки или проглотили чары. Такие стремительные прощания и прогалины — по всему городу. И смутные воспоминания. Только приглядевшись, увидишь под ногами, в черной, смешанной с жуками грязи, осколок изразца, кусок деревяшки, кривой обрывок — то ли старой книги, то ли истлевших обоев.

Но сегодня была странность. Эти осколки и обрывки тщательно собирал необычный, физически веселый человек. Необычного в нем было много, он весь состоял из странностей. Крашенные фиолетовым волосы, необъяснимо высок и широк. Темные очки и — несмотря на теплую погоду — тулуп и бордовый шерстяной шарф. На тулупе — значок зеленого цвета. Человек был еще зимним.

Вот представь, он поднимает с земли металлический предмет, отряхивает его от песка, жуков и пуха, гладит рукой, одетой в белую атласную перчатку, осматривает — печная вьюшка. Он нежно, будто это не грязный металл, а муранское стекло, оборачивает вьюшку в тряпочку и кладет в корзинку — из тех, с которыми моя бабушка ходила за грибами. И снова

наклоняется, перебирает руками пыль и гуашевую грязь. Я поставил «жасмин» в ушах на бесконечный повтор.

Внезапно человек выпрямился и вскрикнул: «Внимание!» Вскочив на остаток старой ограды, едва не приколотив себя к штырю от экрана с новостями, он поднял руку. И, словно он продолжает прерванный разговор, обратился к случайным прохожим, а значит, и ко мне: «Внимание! Да, вы все забыли! Например. Я недавно думал об экзопланетах. О тех, кто вне Солнечной системы. О двойнике Земли. А что, если этот двойник захочет дать нам сигнал? Захочет с нами познакомиться. Знаете, ветка к ветке клонится? Дать сигнал: “Я ваш двойник. Бегите, ребята”. Какой-нибудь оранжевый карлик или синий великан. Вы же не думаете, что Земля — подходящая для жизни планета? Так вот, если кто-то подаст сигнал, его где искать? Надо его, ребята, искать по зодиакальным созвездиям. Сиди себе с антенной на Альдебаране или на Нунки и лови волну. Но что я сказать хочу: нам еще не скоро этот сигнал о спасении поймать. Нам еще долго в чугунных сапогах ходить в сломанную церковь напротив — грехи отмаливать».

Он говорил очень быстро. Быстро-быстро. Он выстреливал словами как пулями, будто его речь кто-то ускорил на два темпа.

«Нам надо решить, что с этим делать. Вы спросите: с чем? Как с чем? Вся эта музыка, открытия, три мушкетера, Гауф, всё, что нам оставили: оно нам зачем? — он потряс своим лукошком. — Мы, разделенные заборами, мы наследники или туристы? Что ты — вот ты лично, — он зачем-то показал своим огромным пальцем прямо

на меня, — будешь делать? И ты, и ты. Мы должны стать воинами. Совершать героические поступки. Это не смешно! Вы что, забыли, кем хотели быть в детстве? Вы все забыли! Все забыли! Чувствуете, тепло, а вы все поживаетесь и хотите все время спать? Вы замерзли! Кстати, приглушите к чертовой матери радиоточки с новостями в своих квартирах. Они обволакивают вас! И не слушайте кретинскую музыку из динамиков — это прививка подчинения. Это распад ваших атомов! Эти новости и эта музыка делают вас рабами. Я называю ее лифтовая. Они уже вас подчинили, а скоро уничтожат. Вы станете глухими — внутри, я имею в виду. Вас будет легко съесть. Всех по одному, разделенных заборами. А представьте, если этот эфир на десять минут занять настоящей музыкой, новостями? А? Что такое настоящие? Те, что о вашей жизни, те, что и правда происходят. Труф! Правда! А? Хоть на десять минут, хоть на три! А если на час? Что тогда начнется? Знаете, что создает человека? Небо, собаки, случайная музыка. О, вот и лифтеры — мне пора, прощай».

Он ловко спрыгнул с остатков ограды. Я обернулся на свистки — на пустырь влетели люди в черной форме и шляпах синего мха. «Несанкционированный сход! Держим дистанцию! Граждане, не мешайте проходу граждан, или будет применен газ! Держим дистанцию!»

Все разбежались. Площадка перед бывшей усадьбой смертельно опустела. Гигант в тулупе исчез — провалился сквозь землю. Хотя я знаю, что так бывает только в сказках.

Я пошел дальше. Я торопился, из-за остановки мое время, так всегда аккуратно рассчитанное, пошло